

К. Д. Бугров

КОРРУПЦИЯ И РАЗЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: АНТИЧНЫЕ МОДЕЛИ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

История политической культуры послепетровской России традиционно воспринимается в контексте столкновения «старого» и «нового». Политические идеи часто расцениваются как маркеры принадлежности к определенным позициям, которые можно четко классифицировать, опираясь на совокупность формальных социальных или правовых характеристик. Так, на политической сцене XVIII в. действовали «либералы» и «консерваторы», «реакционеры» и «революционеры», последователи тех или иных «учений», наконец, «власть» и «общество».¹

Однако в последнее десятилетие можно наблюдать определенное разочарование в подобном подходе к изучению политической культуры российского нового времени. Внимание исследователей все в большей степени переносится с формальных классификаций на литературные структуры, глоссарии и описательные модели.² Речь идет даже о существовании во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. своеобразной «гражданской культуры», являвшейся набором специфических моделей поведения, основанных на античных образцах.³

¹ В качестве классических примеров подобного подхода можно привести две работы, до сих пор оказывающие большое влияние на отечественных исследователей. Г. Д. Гурвич, следуя концепции немецкого правоведа О. фон Гирке, объединил Гроция, Пуфендорфа, Гоббса и Феофана Прокоповича как «авторов-абсолютистов» (Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1915). Подробный критический разбор концепции Гурвича и указания на альтернативные источники «Правды воли монаршей» представил в декабре 2010 г. известный американский исследователь П. Бушкович на коллоквиуме по истории XVIII–XIX вв. в Германском историческом институте в Москве. (Автор настоящего исследования благодарен своим коллегам по Уральскому университету, участникам этого коллоквиума М. А. Киселеву и Я. А. Лазареву, любезно поделившимся с ним материалами доклада П. Бушковича). Равным образом и В. В. Леонтович, говоря об истории либерализма в России, классифицировал политическую мысль прошлого в категориях «подлинного» и «ложного» либерализма, различающихся своим отношением к реформам (См.: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995).

² См., например: Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

³ См.: Каплун В. Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европей-

По нашему мнению, наметившийся поворот к междисциплинарному анализу указанной проблемы может включать в себя и анализ собственно политической мысли — при условии фокусировки внимания не на предполагаемых *позициях* авторов, а на используемом ими *языке* — аргументах, образах, риторике и стилистике. Подобный подход к анализу политической культуры российского нового времени можно применить для изучения такого феномена, как формирование во второй половине XVIII в. комплекса публицистических текстов, посвященных критике положения дел в Российской империи.⁴ Формирование подобного комплекса, по нашему мнению, было связано не столько с объективной расстановкой социальных сил, сколько с использованием отечественными авторами заимствованной из Европы манеры *говорить о событиях*, отсылающей нас, в свою очередь, к античной литературе.

Ключевым текстом подобного критического направления можно считать знаменитый памфлет⁵ М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России». «Повреждение нравов» Щербатов понимает как прямое следствие происшедшего при Петре открытия торговли с Европой, втягивания России в мировую торговлю и притока в страну роскошных товаров. Именно отсутствие в допетровской России роскошных дворцов, карет и одеяний, дополненное культивированием родовой гордости аристократов, виделось Щербатову важнейшей причиной «благородной гордости бояр», которые оставались «верными, усердными и твердыми слугами» государей. Наряду с фи-

ская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция: Сб. ст. СПб., 2009. С. 131–152.

⁴ Специфика истории России XVIII в. обусловила относительно мало примеров публичных дебатов. Использование подобного языка требовало либо «потаенных» текстов, либо определенной общественной полемики, имевшей достаточно жесткие рамки. Упоминаемые нами авторы в большинстве случаев были лишены возможности конкретизировать или пересмотреть свои доводы в ходе открытой полемики: братья Панины ничего не знали о «потаенных» текстах Щербатова, а сам Щербатов, естественно, не был знаком с проектами Паниных, которые предназначались только для монарха и узкого круга высших сановников империи.

⁵ Не совсем верно называть текст Щербатова «памфлетом»; с равным основанием можно интерпретировать его труд «О повреждении нравов в России» как исторический трактат.

гурами допетровских времен Щербатов называет и сподвижников Петра — Б. А. Голицына, П. И. Прозоровского, Б. П. Шереметева, Я. Ф. Долгорукова. Их твердость и мужество Щербатов характеризует как «остатки древнего воспитания и древнего правления».

Достигнув при Петре I пика мощи и величия, Россия после его смерти начала погружаться в «бездну порока». Щербатов был далек от того, чтобы однозначно назвать Петра I виновником падения. Его оценка петровских преобразований может показаться противоречивой: с одной стороны, он высоко оценивал совершившееся при Петре приобщение России к европейскому Просвещению, создание современных армии и флота, триумф в тяжелой Северной войне; с другой — он ставил в вину Петру снисхождение к порокам фаворитов (прежде всего А. Д. Меншикова), разрыв с Е. Ф. Лопухиной. Однако «повреждение нравов» постпетровской России имеет более глубокие основания. И если Петр I еще старался личным примером удерживать подданных от морального разложения, то его преемники уже не отличались ни «твердостью», ни высокой моралью и сами оказались двигателями «повреждения нравов». Причиной подобного падения выступает «сластолюбие», «ибо оно рождает разныя стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит».⁶

Это утверждение задает логику всего повествования Щербатова. Сластолюбие превращает государственных мужей в безответственных эгоистов, «ласкателей» и «временщиков». Такой «временщик» теряет прежние дружеские и родственные связи, а его отношение к монарху превращается в стремление «угождать во всем Государю, льстить его страстям и подвигнуть его награждать его». «Повреждение нравов» приводит к тому, что у людей «несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в беззаконном и зловредном его стремлении попротивиться».⁷

Итак, «повреждение нравов», по Щербатову, обладает хронологическим измерением («старое» противопоставляется «новому») и

рациональной обусловленностью. По нашему мнению, в своем тексте Щербатов не только проигнорировал вопрос об имманентной ценности древнерусской традиции, но и, в сущности, не коснулся темы европеизации как причины социокультурного разрыва. Как же именно Щербатов оценивает допетровскую Россию? Ответ на этот вопрос можно получить, если рассмотреть другой случай использования критической парадигмы — тексты, вышедшие из круга влиятельного екатерининского вельможи Н. И. Панина.

Тексты Панина — в отличие от наследия Щербатова — не имеют такого большого числа противоречивых оценок; как правило, их оценивают как проявление «дворянского конституционализма» или как попытку группы аристократов⁸ навязать только что вступившей на престол Екатерине II определенные ограничительные условия. Между тем, Н. И. Панин сопроводил адресованный императрице проект манифеста о государственной реформе специальным докладом,⁹ фактически представляющим собой критический очерк политической истории российского XVIII в.

Центральной темой этого доклада выступает судьба петровского наследия. По мнению Панина, Петр I не довел свои начинания до конца, а после его смерти незаконченные гражданские установления не выдержали нестабильной игры человеческих страстей и прихотей. Как и Щербатов, Панин особенно строг в оценке к царствованию Елизаветы. Тяжелая Семилетняя война разразилась, по словам Панина, «в самое то время, когда дошло до высочайшей степени бесстрашие, расхищение, роскошь и мотовство».¹⁰

Полемизируя в особой дополнительной записке со своими оппонентами, подвергавшими проект Императорского совета критике, Н. И. Панин так пояснял свою позицию: «Благоразумный монарх почитает не токмо такие

⁸ Отметим некорректность характеристики Панина как «аристократа», которую использует целый ряд трудов по теме. Никакая социальная шкала не позволяет отнести его к числу российский аристократов (по положению на 1762 г.)

⁹ По-видимому, доклад был подготовлен Н. И. Паниным непосредственно после переворота 28 июня 1762 г., однако мы до сих пор не можем с уверенностью утверждать, что он был действительно представлен императрице: в архиве сохранился лишь черновик с большим количеством исправлений, написанный Паниным собственноручно.

¹⁰ Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сб. Императорского Русского ист. о-ва. СПб., 1871. Т. 7. С. 206, 207.

⁶ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1983. С. 3.

⁷ Там же. С. 2.

государственные фундаментальные уставы, но и простые древние обычаи, естли они переменою времен не обратились в общий вред, при исправлении же претворившегося в порок, они стараются с отличными объяснениями удостоверить о том разумных людей, которые невежд и простых приводят к повиновению». В конце записки Панин приходил к выводу о том, что Россия «от большего проникания штацкой науки... должна желать, чтоб единожды достаточно установленное осталось без алтерации и перемены на долгое время».¹¹

Аналогичные аргументы встречаются и в более поздних текстах, вышедших из ближайшего окружения Н. И. Панина и отражавших его идеи. «Рассуждение о непрменных государственных законах», записанное в начале 1780-х гг. Д. И. Фонвизиним со слов Н. И. Панина, отказывало в имени «политического тела» государству, в котором царит произвол одного лица: «Тут подданные поработаны государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу. <...> В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт мелкое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцевым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется».¹² Признаки падения державы — фаворитизм и постоянная протекция при служебном продвижении.

Кроме того, «алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит, кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права

взять чужое, тогда всякий спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим».¹³ Монарху следует понимать, что «государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия»: погружение в пучину разврата и корыстолюбия является следствием отсутствия «фундаментальных законов».

«Рассуждение» не конкретизирует, являются ли «фундаментальные законы» инновацией европейского толка или же они существовали в России на протяжении веков и их следует возобновить. Однако ответ на этот вопрос скрыт в характеристике «Рассуждения», которую дает в сопроводительном письме авторства брат Н. И. Панина генерал П. И. Панин, — «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, и от того озыблемом состоянии как Империи, так и Самых Государей».¹⁴ Анализ «Рассуждения» вместе с другими текстами, вышедшими из окружения Панина, не оставляет сомнений в том, что «фундаментальные законы» в России следовало именно *возобновить*.

Итак, можно говорить о вполне определенном сходстве во взглядах М. М. Щербатова и братьев Н. И. и П. И. Паниных на ход российской истории XVIII в. Центральное место в них отведено процессу разложения Российской империи и ее неуклонному упадку. Страсть к роскоши, жизнь не по средствам влекут за собой разорение частных лиц, а затем — расхищение государственной казны. Перемены к лучшему возможны лишь через восстановление старинных добродетелей и «фундаментальных законов».

Подобное сходство вряд ли можно считать случайным. Однако Щербатов не был связан с Паниными, полемизировал с предложениями генерала П. И. Панина в Уложенной комиссии.¹⁵ Разной была и социальная принадлеж-

¹¹ Цит. по: Польской С. В. Неизвестная записка Н. И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 6. С. 176.

¹² Фонвизин Д. И. Рассуждение о непрменных государственных законах // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 256.

¹³ Там же. С. 258.

¹⁴ Шумигорский Е. С. Приложение // Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 3.

¹⁵ См. принадлежащее Щербатову «Рассуждение полезно ли Российской империи, чтобы деревни между дворян обращались, по причине учиненного противного предложения Его Высокопревосходительством Петром Ивановичем Паниным, Московского уезду депутатом, в собрании дворянства, бывшем 2 мая 1767 г., и надлежит ли оное право быть еще подвергнуто к рассуждению, яко то в оном по множеству голосов определено» (Проекты и голоса, подаваемые от депутата Ярославского дворянства князя Михаила Щербатова в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения // Щербатов М. М. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1896. С. 157–174).

ность этих авторов. Поэтому мы можем предполагать, что характерная для рассмотренных выше текстов манера вести речь об истории и политике является индикатором существования своеобразного *политического языка*, обладавшего собственной внутренней логикой.

Сочинения, созданные Щербатовым и братьями Паниными, опираются на одну и ту же фабулу: в послепетровской России с течением времени происходит «повреждение нравов» (говоря словами Щербатова). «Повреждение» обладало хронологической протяженностью и внутренней логикой развития, однако вместе с тем было четко локализовано во времени: авторы никогда не говорили о том, что проблемы правлений Анны и Елизаветы были характерны для России *в целом*, на всем протяжении ее истории. Язык их произведений опирался на лексикон, в котором для критики положения империи использовались слова «разврат», «алчность», «роскошь», «лихоимство». Эта и подобная лексика формировала колоритные описания «повреждения нравов» (разложение публичной и частной морали, пренебрежение интересами государства, фаворитизм и дезорганизация управления, алчность и мздоимство).

Была ли подобная картина характерной для российского XVIII века? Обличения фаворитизма и требование «твердости» в государственном управлении, если рассматривать вопрос в общеевропейском контексте, не были исключительными явлениями. Конечно, само по себе противопоставление «хорошего» и «плохого» не требует обращения к дополнительным интеллектуальным источникам. Однако авторы, о которых мы говорим, не опирались на традиции политической мысли допетровской России. Манера описания «повреждения нравов» в текстах XVIII в. отличается своим секулярным характером и вниманием к причинно-следственным связям внутри рационально осмысленного социального процесса. Вместо мира милленаристских чаяний, апокалиптических ожиданий и обрядового благочестия мы оказываемся в универсуме, где ключевыми характеристиками являются искусство управления и гражданские добродетели, способные изменять ход истории.

Центральным звеном такой парадигмы выступает проблематика «расцвета» и «упадка», опирающаяся на использование понятий «развращение» или «повреждение» как основных категорий исторического анализа. В данном

случае термин «развращение» («повреждение») является эквивалентом латинского слова *«corruptio»* (от глагола *«corrumpo»*, несущего в себе целый спектр смыслов — «портить, повреждать, уничтожать, разлагать, соблазнять, развращать, истощать, приводить в упадок»)¹⁶ «Развращению», в понимании рассматриваемых нами авторов, подвергаются не только отдельные люди, но и целые нации и государства, их правительственные учреждения, законы и нравы. Государства возвышаются и рушатся в зависимости от того, насколько они способны поддерживать добродетель в своих гражданах. Коррупция имеет секулярный характер (хотя подразумевает и отсутствие почтения к «Божественным законам»), а ее причины являются рационально познаваемыми.

Вычленив эту особенность рассматриваемых нами текстов, несложно заметить ее сходство с так называемой «неоримской», или республиканской, политической идеологией, которая восходит своими корнями к политической философии Аристотеля, Полибия и Цицерона, а также к выразительным описаниям Рима, сделанным Саллюстием и Тацитом. Новозеландский историк Дж. Покок заново открыл для современной историографии эту идеологию, протянувшуюся от названных античных авторов к «отцам-основателям» США через флорентийских авторов Возрождения, политиков английской революции и их идейных наследников начала XVIII в. — представителей оппозиционной режиму премьер-министра Р. Уолпола идеологии «кантри», таких, как лорд Болингброк или издатели «Писем Катона» Дж. Тренчард и Т. Гордон.¹⁷

Объединяющим началом для авторов республиканской традиции был страх перед роскошью и чрезмерным обогащением отдельных лиц, во многом опиравшийся на восприятие образов развращенного и коррумпированного Рима. Например, оппозиционную английскую идеологию «кантри» Дж. Покок описывает как «реакцию против роста банков и кредита ассигнаций, профессиональных армий и бюрократов, а также патронажа и политических машин». По мнению историка, «этим развивающимся явлениям были противопоставлены картины возвращения к старому, более чистому времени, общества,

¹⁶ См., например: *Corruptio* // Латинско-русский словарь. М., 1976.

¹⁷ См.: Pocock J. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 1975.

основанного на принципах, любой отход от которых стал бы разложением, и личностей, добродетель которых была укоренена в независимости от правительственного и социального процесса настолько, что только такая форма собственности на землю, как наследуемое свободное владение, могла гарантировать эту добродетель».¹⁸ Стремительный рост английской экономики, сопровождавшийся скандалами, подобными «пузырю Южных морей»,¹⁹ внушал опасения многим из тех, кто был хорошо знаком с римскими и ренессансными авторами. Понятия «коррупция» и «разложение» стали центральными для европейского политического дискурса XVIII в.²⁰

Эту же концепцию излагает — быть может, несколько упрощая — современный исследователь европейского либерализма Л. Зидентоп. По его мнению, Европа нового времени знала две модели самоуправления, одна из которых восходила к средневековой Европе, а вторая — к классической античности. Вторая модель доминировала: «Большую привлекательность внезапно приобрел образ античных городов-государств, или полисов, — образ граждан-героев, собирающихся для обсуждения общего блага, голосования по спорным вопросам или, в случае необходимости, защиты своего города в составе добровольного ополчения... Европейцы ждали удовлетворения тех своих чаяний, которые позволили Аристотелю за два тысячелетия до этого заявить, что жизнь активного гражданина — это единственно достойная жизнь. Именно поэтому возникшая жажда самоуправления нашла в Европе свое выражение не в терминах, ассоциировавшихся с унаследованными от средневековья представительными институтами, а в понятиях, уходящих корнями в мир античных полисов, — в рассуждении о классическом республиканском строе и гражданстве <...> Главные опасности виделись в “роскоши” и “разложении”. В свою очередь, считалось, что стремление к роскоши неизбежно приводит к разложению общества, так

как пристрастие к ней отвлекает граждан от их первейшей заботы — общественного блага».²¹

Свидетельства пристального внимания к римским авторам можно обнаружить и у Щербатова. Недаром трактат «О повреждении нравов в России» начинается с упоминания одного из ключевых сюжетов республиканской мифологии — гибели Цезаря. Диктатору «доносили нечто на Антония и на Долабелу, якобы он их должен опасаться. Отвечал, что он с их в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовольствия и роскошь, никогда страшиться причины иметь не может. Но сии люди... которые о великолепности, ни о спокойствии одежд не радят, сии же роскошь презирают и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус и Кассий, ему опасны, в рассуждении намерений его лишиться вольности римский народ. Не ошибся он в сем; ибо подлинно сии его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И так самый пример и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности».²²

Этот фрагмент, скорее всего, заимствован из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха²³ (если это так, то Щербатов несколько дополнил мысли античного автора). Однако Щербатов был, по-видимому, знаком и с сочинениями Тацита. В первом томе «Истории российской» он, скрупулезно отслеживая в исторической литературе упоминания о сарматах (которых он считал предками славян), дважды ссылается на «Анналы» Тацита (кн. VI и XII) — в сюжетах «Сарматы помогают Парфянам и Армянам» и «Сарматы помогают Ваниниусу, царю Свевскому, против его племянников».²⁴ Каждый раз им предшествуют ссылки на более поздние труды (работы Л.-С. Тиллемона или Ж. Кревье²⁵), на

¹⁸ Pocock J. Review: Virtue and Commerce in the Eighteenth Century // Journal of Interdisciplinary History. 1972. Vol. 3, № 1. P. 128.

¹⁹ Финансовый крах «Компании южных морей» в 1720 г. произвел громадное впечатление на английскую интеллектуальную и политическую элиту, поскольку расследование выявило многочисленные случаи подкупа в парламенте и правительстве.

²⁰ См.: Smith D. Corruption and Eighteenth-Century Social Science: Mapping the Space of Political Economy // Studies in Eighteenth Century Culture. 2009. Vol. 38. P. 261–276.

²¹ Зидентоп Л. Демократия в Европе. М., 2001. С. 65.

²² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России... С. 4. Этот эпизод приводится в жизнеописаниях Цезаря и Брута, сделанных Плутархом. Впрочем Щербатов мог заимствовать эпизод как непосредственно из текста Плутарха, так и из любого вторичного исторического сочинения.

²³ Сюжет упоминается сразу в трех разных биографиях — Цезаря, Брута и Антония. См., например: Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 487, 488.

²⁴ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен: в 7 т. Т. 1. СПб., 1771. С. 34, 35.

²⁵ Русский перевод работы Ж. Кревье «История о римских императорах с Августа по Константина», выполненный В. К. Тредяковским, был издан в Санкт-Петербурге в 1767–1769 гг.

которые Щербатов, в целом, ссылался гораздо чаще, чем на «Анналы». Однако в случае, например, со «свевским» сюжетом текст Щербатова практически полностью повторяет именно повествование Тацита,²⁶ тогда как в тексте Тиллемона о сарматах совсем не упоминается.²⁷ Поэтому можно говорить о несомненном знакомстве Щербатова с «Анналами»,²⁸ которое, вполне вероятно, было весьма глубоким: в «Анналах» сарматы упоминаются всего дважды, и оба этих упоминания Щербатов воспроизвел в своей «Истории российской».

Обращение Щербатова к сюжету убийства Цезаря республиканцами позволяет говорить об использовании, по крайней мере, некоторых элементов упомянутой республиканской парадигмы; будучи знаком с текстами Плутарха и Тацита, он хорошо представлял себе коннотации образа Брута. Брут упоминается и в «Рассуждениях о законодательстве вообще», однако здесь это предполагаемый предок убийцы Цезаря, деятель ранней республики, изгнавший Тарквиния Гордого, а затем пожертвовавший ради свободы Рима своими сыновьями. Вместе с другими государственными мужами Римской республики — Цинциннатом, Эмилием Павлом, Фабием Максимом и Марцеллом — он служит примером политического деятеля аристократической формы правления, к которой Щербатов, по-видимому, питал склонность (примерами политиков демократии, или «народного правления», в этом же тексте выступают Перикл, Цезарь и Кромвель!).²⁹ Знакомство с античной традицией Щербатов обнаруживает и в письме к сыну, Д. М. Щербатову, от 11 июня 1775 г. Здесь он перечисляет в качестве примеров патриотизма Фемистокла, Леонида, Сократа (который «не захотел бежать и преступить законы его отечества»), а также героев республиканского Рима — отца и сына Дециев, семейство Фабиев и Марка Регула.³⁰

Для Щербатова люди строгих нравов — это лучшие граждане, а трагедия Рима — в торже-

стве «сластолюбия» над умеренностью. Правда, говоря о России, Щербатов отходит от тираноборческой тематики (которую подразумевает обращение к образу Брута) и подчеркивает в качестве главного достоинства людей «старого воспитания» лояльность к монарху. Несмотря на это, мы можем идентифицировать описание «повреждения нравов» в России как восходящее к моделям описания императорского Рима.

Согласимся с мнением современного исследователя В. С. Рыжкова, который, отмечая сходство между «теорией коррупции “политических тел”» и идеями античного историка Полибия о существовании у «каждой политики определенного жизненного цикла», приходит к заключению: «Обличения Щербатовым “повреждения нравов” в эпоху правления последователей и последовательниц Петра касаются не только частной морали отдельных лиц, они имеют вполне определенный политический смысл. Трактат “О повреждении нравов в России” — это трагическое предупреждение об опасности “упадка и разрушения” Российской империи, вслед за ее римской предшественницей, вследствие, как полагал историк, одних и тех же причин — привыкания правящей элиты к безудержной роскоши, готовности ради своих частных выгод жертвовать интересами государства и даже своих собственных друзей и близких».³¹

Последние годы царствования Елизаветы, по-видимому, вызывало у современников вполне «римские» аллюзии. Еще в 1759 г. Щербатов создал «Разговор между двух друзей о любви к отечеству», где один из героев, Филопатрис,³² произносит целый монолог, посвященный обличению положения дел в России и напоминающий критические описания императорского Рима.³³ В 1754 г. А. П. Сумароков в прозаическом «Слове» на рождение Павла Петровича сопроводил наставления младенцу «примерами из Древнего Рима периода упадка».³⁴ Вполне возможно, что не случайно именно в 1759 г. В. И. Крамаренков подгото-

²⁶ См.: Тацит П. К. *Анналы* // Тацит П. К. Соч.: в 2 т. Т. 1: *Анналы. Малые произведения*. Л., 1969. С. 206, 207.

²⁷ См.: Tillemond L.-S., de. *Histoires des Empereurs*. T. I. Paris, 1740. P. 265, 266.

²⁸ Скорее всего, во французском переводе.

²⁹ См.: Щербатов М. М. *Рассуждения о законодательстве вообще* // Щербатов М. М. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 387.

³⁰ Переписка князя М. М. Щербатова. М., 2011. С. 359, 360. Далее в тексте письма Щербатов обращается к аналогичным примерам из отечественной истории, говоря о Д. М. Пожарском, В. И. Шуйском, а также о «знаги», которая «помогла Петру Великому подавить мятежи и истребить стрельцов».

³¹ Рыжков В. С. Неотвратимы ли «упадок и разрушение» Российской империи? Историческое мировоззрение Михаила Щербатова и классическая циклическая концепция времени // *Философский век: альманах*. Вып. 34. *Человек в философии Просвещения*. СПб., 2008. С. 150, 151.

³² Говорящее имя, в переводе с греческого означающее «отечестволюбец».

³³ Щербатов М. М. *Разговор между двух друзей о любви к отечеству* // *Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та*. 1968. № 339 (72). С. 203, 204.

³⁴ Проскурина В. *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М., 2006. С. 67.

вил переводы сочинений Саллюстия Криспа «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» (опубликованы они будут только в 1769 г. под общим заглавием «Войны Каталинская и Югурфинская»³⁵). Как отмечает исследователь предреволюционной публицистики английских колоний в Америке Б. Бейлин, сочинения Саллюстия «составляли неисчерпаемый кладезь апофеизма и грозных предвещаний о последствиях общественного разложения».³⁶

Насколько был знаком с римской историей Н. И. Панин? Точный ответ на этот вопрос еще предстоит дать. Однако предположить подобное знакомство можно вполне обоснованно: в книжном собрании Паниных присутствовали французские переводы сочинений важнейших римских авторов³⁷ — Цицерона,³⁸ Полибия,³⁹ Тита Ливия,⁴⁰ Саллюстия Криспа,⁴¹ Тацита и некоторых других, — а также изложения римской истории авторами XVII–XVIII вв.⁴² Речь идет только о тех книгах, которые были изданы при жизни Н. И. Панина, и любой из этих трудов он, следовательно, мог читать до составления «Рассуждения о неперемных государственных законах» (а Цицерона, чей труд вышел в 1744 г. в Париже, — и до начала своей политической карьеры при Екатерине II). В частности, Тацит был представлен двумя изданиями — 1768 и 1772 гг.⁴³ Первое из них представляло собой перевод семи первых книг «Анналов» (объединенных переводчиком под заглавием «Tibere ou la sept premiere livres

des Annales de Tacite»), изданный в Париже в 1768 г. Именно в этих книгах «Анналов» Тацит описывал окончательную гибель старых нравов и установление под маской законности чудовищной тирании. Второе издание, вышедшее в 1772 г., включало «Историю» Тацита. Таким образом, собиратель библиотеки явно представлял себе интеллектуальное наследие Тацита во всей полноте, приобретя оба его основных труда — и «Анналы», и «Историю».

Впрочем, для того чтобы опираться на «неоримские» описания коррупции и упадка государства, Панину совсем необязательно было напрямую обращаться к античным текстам. Основные элементы «неоримского» стиля могли быть почерпнуты им из европейской литературы рубежа XVII–XVIII вв., воскрешавшей античные концепты в новом контексте. Так, в первой редакции «Рассуждения о неперемных государственных законах» присутствовала характеристика «горделивого государя»: «Если б Богу было угодно предопределять, кому властвовать и кому рабствовать, то бы он, конечно, ознаменовал чем-нибудь сию волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода — с седлами на спинах».⁴⁴ Эта характеристика представляет собой перефразированную цитату из предсмертной речи Р. Рамбольда — бывшего офицера армии Кромвеля, казненного в 1685 г. после разгрома восстания герцога Монмаута: «Я уверен, что ни один человек не был рожден со знаками дарованных Богом отличий от других; ибо никто не приходит в мир ни с седлом на спине, ни в сапогах со шпорами для езды в этом седле...».⁴⁵ (Эти же слова Рамбольда приводил в своем предсмертном письме мэру Нью-Йорка третий президент США Т. Джефферсон — увлеченный почитатель античной литературы и один из самых ярких поклонников республиканской традиции среди отцов-основателей США.⁴⁶)

Другой фрагмент сочинений Панина, позволяющий нам предположить влияние античных образцов, — знаменитое противопоставление: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать

³⁵ См.: Крамаренков Василий Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). СПб., 1999.

³⁶ Бейлин Б. Идеологические истоки американской революции. М., 2010. С. 90.

³⁷ Каталог книг из собрания Паниных. Б/д, не ранее 1839 г. (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901. Л. 68–77, 1650б.).

³⁸ Histoire de Ciceron: 4 vol. Paris, 1744. Кроме того, в собрании Паниных было еще более 15 изданий Цицерона разных лет, а также ряд сочинений о нем.

³⁹ Polybe. Histoire de Polybe. 4 vol. Amsterdam, 1774.

⁴⁰ Tite Live. Histoire romaine. Paris, 1770.

⁴¹ Salluste. Histoire de Salluste. Paris, 1775.

⁴² В собрании Паниных имелись, например, такие книги по римской истории, как сочинение. «Histoire de la jurisprudence des Romains» автора Gerrasson (1750 г.), «Observations sur le Romains» Г. Мабли (1768 г.), «Histoire des revolutions arrives dans le Gouvernement de Rome» аббата Верро (1771 г.). Сочинения Кревье были представлены двумя изданиями («Histoire des Empereur Romaine depuis Auguste jusq[ui] Constantin» 1752 г. и «Histoire romaine depuis la foundation j[u]que le bataille d'Actium» 1764 г.), как и «Римская история» Роллена (издания 1769 и 1772 гг.) Были в собрании Паниных и тексты Монтескье, в том числе «Considerations sur les causes de la grandeur et la decadence del'Empire Romain» (в каталоге отсутствует указание на год или место издания книги).

⁴³ Tacite. Tibere ou la sept premiere livres des Annales de Tacite: 2 vol. Paris, 1768; Tacite. Histoire de Tacite: 2 vol. Paris, 1772.

⁴⁴ Цит. по: Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1974. С. 276.

⁴⁵ [Burnet G.] Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. 3. Oxford, 1823. P. 30.

⁴⁶ Adair D. Rumbold's Dying Speech, 1685, and Jefferson's Last Words on Democracy, 1826 // The William and Mary Quarterly, Third Series. Oct. 1952. Vol. 9, № 4. P. 526.

не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей». ⁴⁷ Как подчеркивает современный исследователь республиканской традиции О. Хархордин, в данном фрагменте «Рассуждения» выражен «четкий республиканский идеал», в котором «нарушение общих законов убивает свободу». ⁴⁸

Несмотря на то что эта фраза из «Рассуждения» может служить темой для отдельного исследования, позволим себе высказать предположение об одном из ее источников. Достаточно популярное в XVIII в. определение концепта «отечество» мы можем встретить в соответствующей статье «Энциклопедии» — «Patrie» («Отечество»). Автор этой статьи Л. де Жокур приводит описание трансформации отношения к «отечеству» в Древнем Риме с акцентом на «коррупцию» добродетели. В целом, французский автор повторил модель, созданную Тацитом, ⁴⁹ а в заключение цитировал критическое описание Англии, принадлежавшее лорду Болингброку ⁵⁰ — оппозиционному английскому политику начала XVIII в., активно обращавшемуся в своем творчестве как к республиканскому наследию революции, так и к античным образцам. ⁵¹

Статья «Patrie» была опубликована в 14-м томе «Энциклопедии», который вышел в 1765 г. «Энциклопедия» имела в книжном собрании Паниных. Вполне возможно, что Н. И. Панин был знаком с этим определением, хотя, конечно, его влиянием интеллектуальные источники цитированного выше фрагмента из «Рассуждения» не ограничиваются. Важно, впрочем, не только потенциальное влияние статьи де Жокура на российского читателя, но и существование вполне определенной связи между тацитовским описанием Рима, английской политической критикой начала XVIII в. и французской «Энциклопедией». Источники восприятия российскими интеллектуалами языка «коррупции и упадка» могли быть весьма разнообразными.

Итак, можно предположить, что критическая парадигма в российской политической

мысли второй половины XVIII в. была основана не столько на реальном обращении к петровской или допетровской России, сколько на риторическом противопоставлении «прошлого» и «настоящего», восходящем к античной (прежде всего — римской) модели «коррупции и упадка». В этом отношении возникновение в России подобной парадигмы позволяет говорить об определенном влиянии на отечественную политическую мысль той идеологии, о которой говорит Дж. Покок. В России XVIII в. традиция, в русле которой можно было бросить упрек европеизированной современности, сама была организована по моделям, воспринятым из европейской политической традиции восприятия античных текстов. Обращение к таким моделям было объединяющим фактором для авторов, имевших разные социальные идеалы, разное происхождение и разную карьеру (как это видно на примере Щербатова и Панина), хотя, разумеется, имевших и собственные мотивы вести речь о современной им Российской империи в столь критическом тоне.

Конечно, использование политического языка «коррупции и упадка», восходящего к античной литературе, в российских условиях имело свою специфику. Так, российские авторы мало говорят о политической свободе, предпочитая делать акцент на падении нравов, дезорганизации в управлении и на социальном хаосе. Несмотря на то что политические симпатии Панина и Щербатова различались достаточно сильно, созданные ими проекты государственных реформ отводили ключевую роль в управлении страной монарху. ⁵² Например, рядом с «неоримскими» моделями описания коррупции и цитатами из Ж.-Ж. Руссо в панинском «Рассуждении о непременных государственных законах» встречаются выдержанные описания добродетельного и честного государя, своими выдающимися личными качествами покоряющего сердца подданных, в духе «Антимакиавелли» Фридриха II. ⁵³

Однако для инвектив использовался именно язык «коррупции и упадка». Созданная с

⁴⁷ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 255.

⁴⁸ Хархордин О. Что такое «государство»? Европейский контекст // Понятие государства в четырех языках: сб. ст. СПб.; М., 2002. С. 187.

⁴⁹ См.: История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 79, 80.

⁵⁰ Там же. С. 81.

⁵¹ См.: Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

⁵² Воззрения Панина приведены в его докладе 1762 г. и конкретизированы в дополнительной записке, обнаруженной и опубликованной С.В. Польским (см.: Польской С. В. Указ. соч. С. 177–182). Проект Щербатова, во многом похожий на проект Панина, опубликован тем же исследователем (см.: Польской С. В. «Потаенные» сочинения князя М. М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государства» // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. № 2. С. 217–222).

⁵³ В книжном собрании Паниных имелось издание трудов Фридриха II 1760 г. «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» (Каталог книг из собрания Паниных... Л. 1290б.)

его помощью критическая парадигма была тесно связана с использованием российскими интеллектуалами античных образцов для осмысления отечественной исторической традиции — того осмысления, которым мы, с некоторыми поправками, пользуемся и по сей день. Инвективы, содержащиеся в «потаенных» рукописях, бросали вызов официозному дискурсу, выдержав конкуренцию за формирование образа XVIII в. с одической поэзией, военными победами на суше и на море, монументальной архитектурой и научными достижениями. В значительной степени благодаря языку «коррупции и упадка» последующие поколения смогли увидеть Российскую империю XVIII в. как пространство нестабильности, фаворитизма, прихотей и порока.

Несмотря на то что этот язык под действием меняющихся реалий российского обще-

ства и новых влияний с Запада в конечном счете «растворился» в новых дискурсивных практиках, мы найдем его элементы и в XIX в. — в проектах декабристов, в «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина, в позднейших построениях славянофилов... Разумеется, подробный анализ воздействия античного интеллектуального наследия — как непосредственного, так и в опосредованной форме — на российскую политическую мысль еще предстоит проделать, однако подобное направление исследований представляется весьма перспективным. Такой анализ не только позволит уточнить наше понимание политической культуры XVIII в., но и поможет в изучении политической культуры постсоветской России, для которой проблема осмысления традиции и модернизации вновь является актуальной.

Ключевые слова: *Н. И. Панин, М. М. Щербатов, Тацит, коррупция, классический республиканизм, политическая история России XVIII в., история российской политической мысли*

CORRUPTION AND DECLINE OF THE RUSSIAN EMPIRE:
CLASSIC MODELS IN THE CRITICAL THINKING OF THE RUSSIAN POLITICAL CULTURE
OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The article deals with the conceptual similarities in the critical descriptions of the post-Petrine Russia in the texts of the 18th century Russian authors M. Shcherbatov and N. Panin. The use of similar language for the description of corruption in the Russian Empire by these authors was a result of both of them following the same historical models developed by the antique political thinkers such as Cicero and Tacitus, which were quite popular in the European classic republican literature of the 17th–18th centuries. Thus in order to get better understanding of this critical trend in the Russian political culture these texts should be viewed not only as a direct reflection of positions of certain social groups, but rather as part of a broader intellectual paradigm of classic republicanism going back to the political models of antiquity.

Konstantin D. Bugrov